

Изначально между ним и Цю Лин всё было иначе. Он, подражая своему отцу, играл роль хорошего мужа, лелея Цю Лин в своём сердце. В то время Цю Лин не был таким робким, как сейчас, он сам заводил разговоры с соседями и был довольно популярен среди них.

Однако вскоре Цинь Ичэнь заметил, что Цю Лин, похоже, очень хорошо ладит с сыном соседей, альфой, который учился в музыкальном институте.

Цю Лин и тот студент были почти одного возраста, имели общие интересы, и их характеры отлично сочетались. Цинь Ичэнь запаниковал. Он боялся, что Цю Лин полюбит кого-то другого, что он уйдёт от него.

В тот вечер, когда Цю Лин с гитарой отправился к соседу, чтобы вместе музицировать, Цинь Ичэнь не смог сдержать свой гнев. Он в ярости схватил Цю Лин и силой привёл домой, впервые ударив его.

Гитара, которая служила много лет, наконец сломалась. Четыре струны из шести порвались, и она упала на пол гостиной.

Её хозяин был заперт в спальне. На его лице остались следы двух пощёчин, из уголка рта сочилась кровь, а на животе и пояснице виднелись синяки от ударов. Его белая кожа покрылась синяками, одежда была порвана, а из горла вырывались хриплые мольбы о пощаде.

Увидев, как Цю Лин, весь в синяках, сжался в кровати и плачет, Цинь Ичэнь внезапно ощутил невиданное ранее удовлетворение и понял слова, которые когда-то говорил ему отец.

— Жена не слушается — просто выпори её.

Пусть почувствует боль, и тогда больше не осмелится идти против твоей воли.

Цинь Ичэнь вновь посмотрел на Цю Лин.

Его жена плакал, глаза покраснели, в прекрасных чёрных глазах скопились прозрачные слёзы, придавая ему вид хрупкости. На руке, прикрывающей лицо, виднелась рана — он порезался, когда резал овощи, из-за плохого настроения и усталости. На большом пальце был наклеен пластырь.

Раньше эти белые руки с тонкими мозолями использовались только для игры на гитаре.

Тот, кто поймал эту поющую птичку в клетку, был он сам.

После первого избиения Цю Лин больше не прикасался к музыкальным инструментам. Сломанная гитара была убрана в кладовку, никто её не починил, и она покрылась пылью. Но при переезде Цю Лин всё же взял её с собой.

Иногда Цинь Ичэнь слышал, как Цю Лин поёт — когда тот развешивал бельё на балконе, тихо и отрывисто напевая, словно боясь кого-то потревожить. В мусорной корзине его кабинета было много смятых листов бумаги с нотами и текстами песен, написанными с сильным нажимом, оставляющим глубокие следы.

Из этих мелких деталей Цинь Ичэнь понимал, что Цю Лин на самом деле не сдался. Эта птичка рано или поздно вырвется из клетки.

Поэтому он не мог доверять словам Цю Лин.

Под столом Цинь Ичэнь незаметно сжал кулак.

Цю Лин всё ещё плакал, его худощавое тело сжалось на стуле, голова уткнулась в колени, и он безутешно рыдал, словно кокон, замкнутый в себе.

Цинь Ичэнь понимал, что когда Цю Лин окончательно сломается, он потеряет эту птичку. Поэтому он не позволит Цю Лин постоянно пребывать в негативных эмоциях. Цинь Ичэнь даст ему конфету, подарит небольшую надежду, чтобы он мог продолжать держаться.

— Лин Лин, — позвал он его.

Цю Лин, всхлипывая, поднял голову от колен и увидел Цинь Ичэня перед собой, с тёмным взглядом. Он инстинктивно подумал, что Цинь Ичэнь снова ударит его, резко вскочил на ноги, в панике отступив назад, даже не успев надеть тапочки, споткнулся и ударился рукой о стену, содрав кожу.

— Прости... Я больше не плачу! — Цю Лин тыльной стороной ладони поспешно вытер слёзы, его голос дрожал, и он продолжал извиняться. — Я... Я больше не плачу... Больше не буду так с тобой разговаривать, прости, прости, муж...

Цинь Ичэнь молча приближался к нему, постепенно отнимая у Цю Лин пространство для движения, загоняя его в тёмный угол, откуда не было выхода.

Цю Лин увидел, как альфа поднял руку, и в отчаянии крепко закрыл глаза.

— Лин Лин... — голос Цинь Ичэня был тихим, в нём звучала жалость. — Не плачь, ты в последнее время слишком часто плачешь.

Услышав эти слова, Цю Лин с запозданием осознал, что его обнял муж. Цинь Ичэнь не ударил его.

Он открыл глаза и увидел спокойное лицо Цинь Ичэня.

Нежный поцелуй коснулся его губ, не углубляясь, просто губа к губе, лёгкое прикосновение. Раньше поцелуи Цинь Ичэня всегда были агрессивными и настойчивыми, он часто кусал губы Цю Лин, и после поцелуя во рту оставался привкус крови. Цю Лин не любил это.

Ему нравилось мягкое, спокойное, естественное проявление близости, сладкие и нежные объятия.

Когда Цинь Ичэнь отпустил его, Цю Лин всё ещё был в замешательстве, не мог поверить — они поцеловались, и у него не было крови.

— Поешь ещё немного, редко готовишь столько, нельзя чтобы пропало. — Рука Цинь Ичэня прошла за спиной и под коленями Цю Лин, он поднял его и усадил обратно на стул, затем отстрил прядь волос со лба Цю Лин и поцеловал его в лоб. — Эту миску уже есть нельзя, я налью тебе в другую.

С ужина до сна Цю Лин был словно в тумане, чувствуя, будто находится в сновидении.

Цинь Ичэнь не только не ударил его, но и убрал со стола, помыл посуду после ужина. Когда они вместе принимали душ, Цинь Ичэнь не приставал к нему, только поцеловал под душем, а затем тщательно нанёс мазь на старые раны, воспользовавшись моментом, чтобы поцеловать

его ступню.

Это было то, о чём Цю Лин даже не смел мечтать. Раньше его самым большим желанием было, чтобы Цинь Ичэнь перестал применять к нему насилие.

— Почему ты всё ещё как будто в тумане? — Цинь Ичэнь, прислонившись к изголовью кровати, с лёгкой усмешкой спросил его.

Цю Лин спрятал половину лица под одеялом, оставив видимыми только смущённые глаза, и, глядя на него, сказал:

— ...Я просто немного счастлив.

Его счастье было действительно очень простым.

— Спи, Лин Лин. — Цинь Ичэнь выключил лампу на прикроватной тумбочке, поцеловал уголок глаза Цю Лин и тихо сказал:

— Завтра утром я поем в столовой на работе, ты поспи подольше.

Он действительно услышал его слова!

Закрывая глаза, Цю Лин не мог сдержать улыбки, спрятанной под одеялом.

Да, они с Цинь Ичэнем могли быть нормальной супружеской парой.

На следующий день Цинь Ичэнь действительно не побеспокоил Цю Лин, тихо умылся и ушёл на работу. Цю Лин остался дома и проспал до часа дня, словно пытаясь наверстать все пропущенные часы сна.

Снаружи уже ярко светило солнце. Цю Лин сел на кровати и потянулся, затем взглянул на своё отражение в окне: чёрные волосы растрёпаны, как гнездо, пижама сидела криво, половина плеча торчала наружу. Он вдруг засмеялся и снова упал на кровать, катаясь туда-сюда, как шаловливый ребёнок.

Так счастлив.

В последние дни Цинь Ичэнь также перестал так пристально следить за Цю Лин, и тот время от времени стал приносить соседям угощения, иногда даже играл с Цзи Сямин.

Однако, с другой стороны, Цинь Ичэнь больше не прикасался к нему так часто, как раньше, и это немного огорчало Цю Лин.

В четверг во время послеобеденного сна Цю Лин увидел влажный сон, но его объектом был не муж Цинь Ичэнь, а тот добродушный альфа из соседней квартиры.

Ему снилось, как он снова делает торт с Ся Юй. Альфа обнял его сзади, губы прикоснулись к его уху, и мягким, низким голосом терпеливо объяснял шаги, отчего всё тело Цю Лин напряглось.

В напряжённом состоянии он всё же ошибся на одном из шагов. Ся Юй со смехом назвал его глупым и сказал, что накажет его.

Между ног уже стало влажно, трусы прилипли к ягодицам, вызывая дискомфорт. Цю Лин

мысленно ругал себя за бесстыдство.

В напряжённом состоянии он всё же ошибся на одном из шагов. Ся Юй со смехом назвал его глупым и сказал, что накажет его.

Тогда его, мужа другого омеги, прижали к столу, сняли штаны, мокрые трусы свисали на лодыжках. Ся Юй пальцем набрал сладкий крем и тщательно намазал его во влажное отверстие, затем ловким языком проник внутрь, слизывая крем вместе с его соками.

<http://bllate.org/book/16183/1451723>